

DEPARTMENT OF
POLITICAL SCIENCE

FOUNDED 1999

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Факультет журналистики и политологии
Кафедра политологии

**ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМНЫҢ
ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ МОДЕРНИЗАЦИЯСЫ:
ПЕРСПЕКТИВАЛАР МЕН СЫН-ҚАТЕРЛЕР**

Х-шы Халықаралық ғылыми-практикалық
конференция материалдары
5 мамыр 2020 ж.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ**

Материалы X-Международной
научно-практической конференции
5 мая 2020 г.

Нур-Султан, 2020

УДК 327(063)
ББК 66.4 (0)
С 69

Редакционная коллегия:

Доктор политических наук, профессор **Р.А. Нуртазина**, Казахстан
Доктор политических наук, профессор **Е.В.Матвеева**, Россия
Доктор политических наук, профессор **Хасан Язиджы**, Турция
Депутат VI Созыва Палаты представителей Национального собрания
Республики Беларусь – **Жданович Павел Леонидович**

Организационный комитет конференции: E-mail: polscience323@gmail.com

Информация о конференции на сайте: enu.kz

Рыстина И.С. – доктор PhD, доцент, зав.кафедрой политологии

Копежанова Д.Е.- доктор PhD, доцент кафедры политологии

Болатулы Нуржан – преподаватель кафедры политологии

**«Социально-политическая модернизация казахстанского общества:
перспективы и вызовы».**

Сборник материалов X- Международной научно-практической
конференции. (5 мая 2020 г) – Нур-Султан, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

ISBN 978-601-337- 131-3

Сборник материалов международной научно-практической конференции содержит тезисы докладов преподавателей, докторантов PhD, магистрантов в области политических наук. Основная тематическая направленность дискуссионных вопросов отражает аспекты реализации социальной политики государства в условиях глобализации, актуальные проблемы политической науки, философии Абая Кунанбаева в современных социально-политических реалиях, волонтерства в контексте формирования гражданского общества и реализация программы «Рухани жангыру», как новые тренды духовного обновления нации.

В докладах сохранен авторский стиль. Материалы сборника предназначены для широкого круга научной и научно-педагогической общественности, могут быть использованы в теории и практике прикладной политологии и международных отношений.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение закона об интеллектуальной собственности несут авторы публикаций.

ISBN 978-601-337- 131-3

© Кафедра политологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020.

- 1,5. Карин Е., «Дилеммы безопасности Центральной Азии», *Russie.Nei.Visions*, No98, ИФРИ, февраль 2017.
2. Явчувновская Р.А. Глобальная и региональная безопасность: курс лекций. - М., 2010.- С.74.
3. Назарбаев Н. А. Социально-экономическая модернизация - главный вектор развития Казахстана // Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана, 27 января 2012.
4. «Быть ли Таджикистану членом ЕАЭС?», Умаров Х., Валимухамадхон В., (<http://eurazvitiye.org/publication/20150723>). Дата обращения: 25.04.2020 г.
6. «Право на развитие как основа новой модели интеграции в Евразийском союзе», Авторский коллектив: Сафаров С. С., Раджабов С. О., Джалилов К. Д., Царик Ю. Ю., Душанбе, 2015 год.

Научный руководитель: Сергазин Е.Ф.
Шаяхметов Шакир Шамильевич
г. Нур-Султан, 010000
shayhmet@mail.ru
87078700177

УДК 327

*Шубаев Н.Х.,
магистрант кафедры политологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Республика Казахстан, г.Нур-Султан
shubayev@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ И НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЫ)

Аннотация: Проведено повествование влияния фактора секуляризма на государственно-конфессиональные отношения в европейских странах, которое происходит достаточно быстро и оказывает значительное влияние на государственную политику и восприятие религии обществом.

Ключевые слова: традиционные религиозные конфессии, новые религиозные движения, секуляризация, Европа, Восточная Европа, религия, конфессии.

Несомненно, что в посткоммунистических обществах межрелигиозные отношения должны рассматриваться в свете нового положения, завоеванного религией вообще и традиционными христианскими церквями, и исламскими религиозными общинами в частности.

При обсуждении вопроса о религии в Восточной Европе нельзя не учитывать два фундаментальных факта: основательную атеистическую политику коммунистического правления и сложные и радикальные процессы политической, экономической и культурной трансформации, происходящие сегодня, которые прямо или косвенно влияют на (новое) место и роль религии в регионе.

Вопрос о «несвободе» религии при коммунизме широко и обильно разрабатывался учеными на Западе, а в последнее время и на Востоке. Многочисленные книги, основанные на большом количестве документальных материалов, свидетельствуют об одновременном одобрении Советской модели атеизма во всех странах, оказавшихся в советской сфере влияния после Второй мировой войны. Выбор этого понятия объясняется тем, что он фокусируется как на универсальном характере рассматриваемого исторического феномена -

секуляризации – так и на процедурных практиках его применения в коммунистическом обществе (преднамеренные кампании по объявлению вне закона и маргинализации религии посредством преследований, постоянных репрессий и принуждения).

Исследователи обычно связывают снижение социальной значимости религии с процессами индустриализации, бюрократизации и урбанизации, модернизации, социальной дифференциации, социализации и рационализации. Другой теоретический подход к секуляризации предполагает, что в своей радикальной версии она едва ли могла дать правильное описание отношений между политикой и религией в течение последних двух столетий, несмотря на то, что христианство частично утратило свое преобладание в формируемых им культурах.

Многообразие определений и интерпретаций секуляризации и секуляризма свидетельствует о сложности рассматриваемых явлений, которые противостоят одномерным определениям. Однако все теоретики сходятся во мнении, что современность привела к радикальным изменениям в положении религии в обществе.

На Западе эволюционные секуляризационные процессы привели к отделению церкви от государства и формированию современного либерального светского государства. Однако в Восточной Европе стихийное развитие этих тенденций было прервано насильственной попыткой внедрения социалистической светской модели государства. Эта модель была построена в соответствии с официальной марксистско-ленинской идеологией, и религия стала рассматриваться как рудиментарное выживание «старой буржуазной системы», опиум или суеверие, которое должно было быть искоренено из нового общества во имя разума и прогресса.

Религиозное обучение было исключено из школьной программы, а позже был введен «научный атеизм». Большинство религиозных школ были закрыты. Те из них, которые оставались открытыми, были поставлены под жесткий контроль государства. Воинствующая антирелигиозная пропаганда была подавляющей: атеистические кампании в средствах массовой информации и «научные труды», объясняющие недостатки и вредность религии; а в большинстве восточноевропейских стран школьники были зачислены в коммунистические молодежные организации, которые стали проводниками атеизма. Красноречивым примером такой стратегии является церемония посвящения молодежи в Югендвейхе, введенная в Восточной Германии в 1954 году в качестве атеистической замены христианского конфирмации, в ходе которой молодые люди заявляли о своей верности государству [1].

Радикальным следствием коммунистической политики в отношении основных христианских церквей было их использование в политических и практических целях. Прокоммунистическая пропаганда эксплуатировала церкви для продвижения интересов государства, особенно после изменения климата в 1960-е годы, а также во времена национальных бедствий. В Болгарии, а также в Румынии и Сербии Православная Церковь была верным союзником в националистических устремлениях правительства. К середине 1980-х годов коммунистический режим в Болгарии довел церковь до состояния абсолютного бессилия. Хотя это в большей или меньшей степени относится ко всем церквям Восточной Европы, в Болгарии эта политика была доведена до полного уничтожения религиозной свободы.

Сегодня основные церкви Восточной Европы находятся в сложном положении. С одной стороны, они должны оправиться от духовного и институционального застоя, который они пережили при коммунизме. С другой стороны, они должны примириться с новыми социальными реалиями, с которыми они сталкиваются, и ответить на новые вызовы, величайшим из которых, возможно, является религиозный плюрализм.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются традиционные церкви в посткоммунистическом обществе, связаны с «крепостным менталитетом», характерным для коммунистических времен, все еще широко распространен. Этот специфический стереотип поведения церкви был направлен на то, чтобы собрать все свои духовные и

институциональные силы для того, чтобы она могла вынести угнетение, навязанное тоталитарным режимом. Коммунистическая общественно-политическая система рассматривалась как главный враг, перед которым необходимо было сохранить единство церкви. В течение долгого времени церкви устранили и подавляли все внутренние напряжения и разногласия.

Обсуждая польскую Римско-Католическую церковь, Дэвид Мартин отметил, что «первостепенная необходимость единства» заставила замолчать интерпретацию и осуществление реформ Второго Ватиканского собора, «потому что это может создать разногласия для использования правительством». Однако иерархия умело использовала эту ситуацию, чтобы поддерживать дисциплину в рядах и «оказывать давление на тех, кто ломает ряды по вопросу о традиционном и преобразованном христианстве, а также приглушать разногласия, вызванные различными приемами, предоставленными Ватиканскому собору». Опыт венгерской Римско-Католической церкви был похожим. Как замечает Георгий Хриссидис, «угнетение христианской веры при коммунизме имело тенденцию делать церкви несколько статичными, в то время как, например, Римско-Католическая церковь в Западной Европе наслаждалась новой свободой в форме пост-Ватиканских литургических новшеств».

К сожалению, сегодня часто встречаются новые проявления старого «крепостного менталитета», особенно в отношении некоторых господствующих церквей к нехристианским религиям и даже к другим христианским конфессиям.

Основные христианские церкви в Восточной Европе были вовлечены в тесное сотрудничество с коммунистическими режимами, сначала для того, чтобы пережить репрессии, а затем потому, что эта практика превратилась в своего рода рутину, гарантирующую определенные преимущества. Конечно, способы сотрудничества и степень, в которой церкви скомпрометировали свое подлинное призвание, варьировались от одной страны к другой. Однако, как предупреждал Дэвид Мартин задолго до окончания Холодной войны, «церковь, прямо включенная в структуру власти, будет вовлечена в руины этой структуры». Следовательно, церкви серьезно пострадали от краха коммунистической системы и пережили специфический кризис идентичности. Необходимость покаяния и обновления часто игнорировалась церковными иерархами, и это вызывало серьезные проблемы и даже разногласия внутри церквей и оказывало очень негативное влияние на их посткоммунистический имидж, как в глазах верующих, так и неверующих.

Систематическое политическое использование церквей коммунистическими режимами увековечило модель «функциональной религии». С этой моделью тесно связано использование политических маневров и заигрывание с властью того времени со стороны церковной иерархии в якобы религиозных целях. Болгарская Православная церковь превратилась в печальную иллюстрацию этой тенденции. Сразу же после 1989 года Христофор Субев, неожиданно появившийся в качестве лидера Движения за возрождение Болгарской Православной церкви и политического активиста в Союзе демократических сил и впоследствии лишенный сана, заявлял, что «до сих пор церковь использовалась для политических целей, но отныне политика будет использоваться для целей церкви» [2]. Результаты вскоре стали очевидны. В 1992 году Болгарская Православная церковь пережила один из самых трагических событий в своей истории. Она была разделена на две части, не без активной помощи государственных властей, которые зарегистрировали и тем самым узаконили альтернативный Синод. До сих пор большинство попыток разрешить этот спор проваливались, что имело катастрофические последствия для церкви.

Не имея опыта работы с конкурирующими религиозными организациями и общинами, посткоммунистические церкви реагировали на приток новых религиозных групп с Запада с тревогой и страхом. Эта тревожная реакция на НРД не ограничивается только восточноевропейскими церквями. Обсуждая теологические подходы к новым религиям на Западе, Джон Салиба обнаружил, что «реакция христиан на присутствие новых религиозных

движений была спорадической и временами громогласной. Среди христианских писателей нет единого мнения о значении новых движений и о том, как правильно христианин должен реагировать на их успешную миссионерскую деятельность...» [3]. Автор выделяет три основных типа реакции основных христианских церквей на новые религии: пренебрежение, апологетический подход и диалогический подход.

Апологетический подход фокусируется на защите христианской веры. Он принимает две формы: позитивная апологетика, которая разъясняет догматы христианства, указывая на то, как они отличаются от всех других религиозных утверждений и превосходят их и негативная апологетика, которая нападает на другие религиозные верования, указывая на их слабость и непоследовательность. Отказ видеть какие-либо положительные черты в нетрадиционных религиях, однако, не объясняет, почему люди присоединяются к ним.

Таким образом, апологетика вряд ли может служить эффективным инструментом для объективной оценки и понимания этих вновь возникших религиозных явлений. Среди других недостатков: она может легко «выродиться в нападение как на новые религии вообще, так и на честность и намерения их лидеров и членов», и тем самым породить антагонизм и враждебность.

Единственным теологическим методом, способствующим пониманию других религий и развитию межрелигиозных отношений, является диалогический подход. Она приобрела актуальность с начала 1960-х годов благодаря усилиям Всемирного Совета церквей и Второго Ватиканского собора и постепенно стала официально декларируемой позицией большинства христианских церквей.

В своей декларации об отношении церкви к нехристианским религиям Второй Ватиканский собор признает давние духовные традиции великих мировых религий и рассматривает то, что объединяет людей и что способствует взаимному общению и общению. В своей декларации о свободе вероисповедания совет подчеркивает необходимость уважать индивидуальную совесть даже тогда, когда люди придерживаются неортодоксальных религиозных убеждений. Она призывает католиков отказаться от подозрительного, предвзятого и враждебного отношения к другим религиям и признает, что личная приверженность христианским истинам и ценностям в повседневной жизни является более эффективным и убедительным способом распространения Евангелия, чем насильственный прозелитизм [4].

В 1986 году Ватикан опубликовал предварительный доклад, в котором основное внимание было уделено недавнему появлению новых религиозных движений (НДР) и их влиянию на христианскую веру. В докладе пропагандируется принцип диалога Второго Ватиканского собора, рекомендованный в межконфессиональных отношениях. Хотя в докладе выражается озабоченность по поводу того, что многие католики присоединяются к новым религиозным группам, в нем подчеркивается достоинство и нерушимые права человеческой личности в соответствии с декларацией совета «О свободе вероисповедания». Он осуждает использование психологического и / или социального давления для обращения других людей как нарушение права отдельных лиц на свободу вероисповедания. Авторы рекомендуют подлинное и содержательное общение с членами новых религиозных движений и сосредоточить внимание на уроках, которые можно извлечь из успеха новых религиозных движений.

Межконфессиональные отношения и принцип свободы вероисповедания были одними из центральных вопросов, вызывающих озабоченность Всемирного Совета церквей, и темой многих дискуссий, проходивших под его эгидой. Преобладающее мнение состоит в том, что христианская миссия проповедовать Благоую весть непримирима с любым политическим, экономическим, психологическим или религиозным давлением на нехристиан, вынуждающим их отказаться от своих религиозных убеждений и традиций.

Существует общее понимание того, что поиск единства христианских церквей не имеет в качестве конечной цели создание одной новой церкви для замены всех деноминаций

и не может быть достигнут путем принуждения какой-либо христианской церкви принять новую идентичность. Целый ряд документов обсуждает опасность компрометации подлинности христианской веры и предостерегает от синкретизма. В кратком заявлении и рекомендациях, подготовленных совместно Всемирным советом церквей и Всемирной федерацией лютеран на консультациях в 1986 году, подчеркивается необходимость понимания новых религиозных движений и защиты их права на свободу вероисповедания, даже если их убеждения и мировоззрение радикально отличаются от взглядов христиан. Это заявление, как и Ватиканский доклад 1986 года, свидетельствует о стремлении к примирению.

В целом в политике основных христианских церквей Восточной Европы в отношении альтернативных вероисповеданий наблюдаются две основные негативные тенденции.

Во-первых, они обычно претендуют на особый статус, чаще всего представленный в терминах «национальной церкви». Основание для такого утверждения усматривается в их многовековой религиозной традиции и в том, что они представляют большинство верующих в той или иной стране. Они утверждают, что этот статус должен гарантировать им максимальные привилегии, такие как специальное государственное финансирование, более широкий доступ к средствам массовой информации и введение религиозного обучения в школах. Но прежде всего он должен принести им преимущества, связанные с тем, что Дэвид Робертсон называет «огромным убедительным влиянием любого государственного символа». В связи с их стремлением к монопольному положению основные церкви часто настаивают на включении антипрозелитических положений в закон о религии: это ограничение деятельности «пришельцев» на территории и среди населения, на которые церкви претендуют как на «исторические права» [5].

Во-вторых, не имея никакого опыта секуляризации и плюрализма, традиционные церкви Восточной Европы не склонны вступать в диалог с новыми религиозными движениями или даже вести с ними переговоры по вопросам, представляющим общий интерес; скорее их стратегия связана с поиском путей воздействия на государственные органы, чтобы ограничить преимущества новых конфессий, предоставляемые посткоммунистическими законами о религии. В своем самом негативном проявлении это ведет к отвержению церковью всего, что находится вне ее конкретной христианской традиции: она будет относиться к другим христианским конфессиям с подозрением и страхом, а нехристианские религии и новые религиозные движения – с сатанинскими силами.

Тот факт, что большинство новых религиозных движений в Восточной Европе «импортируются» с Запада, требует использования сравнительного метода, проведения параллелей между их деятельностью и стратегиями на Западе и Востоке, рассмотрением аудитории и проблемных областей, предлагаемыми решениями и спровоцированной социальной напряженностью.

Однако нижеследующие соображения представляются существенными и их необходимо учитывать при поиске сходств, различий или возможных интерпретаций места и роли новых религиозных движений в обществе.

Во-первых, огромные различия между либерально-демократическими обществами с их относительно высоким уровнем политической стабильности и культурной целостности и обществами переходного периода, нацупывающими свое демократическое самоопределение, весьма устойчивы и накладывают свой отпечаток на то, как оба типа общества реагируют на новые религиозные явления.

Во-вторых, новые религиозные движения – это признаки уже существующих социальных трудностей и напряжений, а не их причина, или, цитируя Брайана Уилсона, «новые религиозные движения, как бы их ни оценивали ... это реакции на недомогание, а не симптомы или его источник» [5].

В-третьих, новые религиозные движения никоим образом нельзя представить себе, как унитарный и полумифический многонациональный феномен, перемещающийся через континенты, границы и общества. Они возникли в силу специфической совокупности культурных, политических и экономических условий 1960-х годов, и их распространение во многом связано с процессами глобализации и интернационализации культуры.

Тем не менее, они чрезвычайно разнообразны в своих учениях, ориентации, организации и функционировании, и в то же время они постоянно подвергаются модификации и развитию с точки зрения роста или упадка: то есть они испытывают изменения, которые являются функциями целого ряда внешних и внутренних факторов.

Стоит отметить, что общество, испытывающее экономические трудности, культурную и моральную дезориентацию, а также лишённое традиций терпимости, может легко оказаться в плену нетерпимого отношения к другим и негативного поведения.

Список использованной литературы

1. Mary L. Gautier. Church Elites and the Restoration of Civil Society in the Communist Societies of Central Europe. [Электронный ресурс] URL: <https://academic.oup.com/jcs/article-abstract/40/2/289/771959?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения 02.11.2019 г.).

2. Veniamin Novik. Social doctrine: Will the Russian orthodox church take a daring step? [Электронный ресурс] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09637499808431822?src=recsys> (дата обращения 04.11.2019 г.).

3. Woodhead. L. The Rise of «No Religion»: Towards an Explanation. [Электронный ресурс] URL: https://eprints.lancs.ac.uk/id/eprint/124556/1/SoR_Furfey_paper_woodhead.pdf (дата обращения 23.10.2019 г.).

4. Об отношении церкви к нехристианским религиям. «Nostraetate». [Электронный ресурс] URL: https://www.scribd.com/embeds/112291160/content?start_page=1&view_mode=scroll&access_key=key-1dr9lyf98jcdlltgn0ww (дата обращения 04.11.2019 г.).

5. John A. Saliba. Perspectives on New Religious Movements. [Электронный ресурс] URL: <https://books.google.kz/books?id=SxvmDAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22John+A.+Saliba%22&hl=kk&sa=X&ved=0ahUKEwj6tMutzuLoAhVjpIsKHUY4LAJ8Q6AEIMDAB#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 23.10.2019 г.).

*Научный руководитель - Онучко М.Ю.,
кандидат политических наук,
профессор кафедры политологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Республика Казахстан, г.Нур-Султан*